

О национальном значении научного наследия Дмитрия Лихачёва

Никто не постиг сути российской культуры лучше Лихачёва. И именно в этом его величайшая заслуга перед страной, в этом общенациональное значение его работ.

Взор Дмитрия Сергеевича охватил культуру России в динамике исторического становления, развития и системной целостности; в удивительной, прекрасной внутренней сложности и в благородной, щедрой открытости, многообразии внешних связей и взаимовлияний; в переплетении внутренних противоречий и стержневой нравственной силе.

Работы академика Д.С. Лихачёва о культуре имеют исключительное значение для национальной самоидентификации россиян. В его трудах проявляется неумолимая логика основополагающего интереса: познать Россию через её культуру. Обретается ответ на центральный для учёного вопрос: существует ли ду-

ховное призвание россиян, «верховный долг» народа, замысел и смысл отечественной культуры, и если да, то в чём состоит? И наконец, каково место России в глобальном мире?

Один из главных выводов академика: оригинальность русской духовности и русского менталитета может быть представлена как высшая форма развития европейского духовного начала. «Россия — несомненная Европа по религии и культуре. В культуре её не найти резких различий между... Петербургом и... Владивостоком», — писал учёный.

Европейской культуре, типу европейской духовности, отмечал Д.С. Лихачёв, присущи три фундаментальные особенности: это культура личностная, культура с ярко выраженной индивидуальностью; она универсальна, «всеотзывчива», предельно восприимчива к другим духовным мирам; она основана на свободе творческого самовыражения. Эти три особенности учёный связывал с христианством: христианство — единственная из религий, в которой Бог — живое, любящее существо, личность, — стало духовной базой европейской культуры.

Те черты, которые Фёдор Достоевский в своей известной речи 8 июня 1880 года, посвящённой открытию в Москве памятника Пушкину, отнёс к специфике русского самосознания (всеотзывчивость, открытость навстречу другому, эмоциональная восприимчивость), Лихачёв считал присутствующими европейской культуре в целом: «Европеец способен изучать, включать в свою орбиту все культурные явления, все «камни», все могилы. Все они «родные». Он воспринимает всё ценное не только умом, но и сердцем». Саму же европейскую культуру Д.С. Лихачёв считал общечеловеческой, вбиравшей в себя и способность учесть опыт других культур. Через общечеловеческое к всечеловеческому — такова была его формула развития России. В качестве одного из ярчайших доказательств тому он приводил творчество Пушкина — глубоко национального гения, открытого всему богатству бытия, которому были ведомы и вняты миры других народов и наций, их уникальность и своеобычность.

Таким образом, академик выделял в европейском сознании совсем не те черты, которые числила за ним мысль славянофильского направления, противопоставляющая Россию Западу (рационализм, рассудочность,

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЁВ И АЛЕКСАНДР ЗАПЕСОЦКИЙ.

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОФСОЮЗОВ

опора на научный тип познания, технократизм). Это во многом исключало для Лихачёва саму основу спора западников и славянофилов. Даже соборность, которую обыкновенно считают характерной чертой православного мира, Д.С. Лихачёв рассматривал как черту универсально-европейскую.

Учёный был категорически против утверждений, что России присуще некое «туранское начало», считал, что взгляды такого рода уведут нас в сторону домыслов, произвольных фантазий. Гораздо большее значение, чем антитеза «Запад — Восток», утверждал он, имел для России диалог «Север — Юг». Россия не столько «Евразия», сколько «Скандославия» или «Скандовизантия»: «Азиатское начало в русской культуре лишь мерещится. Мы находимся между Европой и Азией только географически, я бы даже сказал — «картографически».

Внимательное знакомство с деятельностью Дмитрия Лихачёва проливает свет на многомерность сегодняшней ситуации в мире. Знаменитый спор западников, славянофилов и евразийцев сводился к ответу на вопрос: какое

в этих контактах участвует. В момент, когда стараниями М.С. Горбачёва концепция «общечеловеческих ценностей» приобрела в СССР особый идеологический статус, Гумилёв заявил, что «все разговоры о приоритете общечеловеческих ценностей наивны, но не безобидны». Поскольку человечество пока не превратилось в единый этнос, России, по сути дела, предлагается отказаться от собственных ценностей в пользу чужих.

По Гумилёву, примером поведения для нас здесь является гений Александра Невского, который уберёт зарождающуюся Россию в ранней фазе её становления. Великий князь оказался перед трагическим выбором: с кем быть — с Ордой против Запада или наоборот? И принял верное решение в пользу Орды. Запад — Тевтонский орден — для русских был более опасен. Монголы были веротерпимы, а Орден — нет.

Характерно, что рыцари Четвёртого крестового похода разграбили и подвергли чудовищным зверствам христианский Константинополь в 1204 году, оправдывая содеянное тем, что «православные — такие еретики, что от них самого Бога тошнит». В 2004 году, через 800 лет после этих событий, представитель папы римского принёс извинения за случившееся константинопольскому патриарху...

Очевидно, что современный Запад в отношениях с Россией проявляет свою истинную суть не через разговоры о демократии и прочих «либеральных ценностях», а через политику двойных стандартов. Разумеется, общечеловеческие ценности существуют. Но пока как некий идеал, содержащийся в пластах мирового историко-культурного развития. Пытаясь их принять в качестве основы интеграции с Западом, Россия потерпела неудачу. Евросоюз и тем более США на деле эти ценности вовсе не исповедуют.

Более того, Запад в культурном отношении деградирует в связи с трансформацией фундаментальных, базовых ценностей христианской цивилизации. Интеграция с Западом в этой ситуации для России неприемлема, так как возможна лишь на условиях отказа от своего «внутреннего стержня культуры» и исторической миссии России.

«Миссия России определяется... тем, что в её составе объединилось до трёхсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным», — говорит Лихачёв. Эта культура, являясь воплощением высших форм человеческого духа, обладает

огромным сплачивающим людей потенциалом, содержит в себе прообраз модели будущего мирового развития по принципу гармонизации интересов самых различных народов, составляющих человечество.

По Лихачёву, наша сила в нашей культуре. «Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта «великость» России не может вызывать враждебности к ней. Напротив, великая культура примирительна по своей сути», — говорил Дмитрий Сергеевич в ходе наших университетских дискуссий. И в этом её всемирное значение.

Другой важный вывод Лихачёва относится к заимствованию Россией западного опыта, диалогу культур. Исследуя специфику русской литературы, изучая своеобразие духовного мира Древней Руси, Д.С. Лихачёв отмечал, что слепое, механическое копирование этого опыта никогда не имело успеха. Полезной была лишь творческая переработка чужого, оригинальное усвоение, изме-

нение применительно к российской специфике: «Бессмысленно задаваться вопросом, была ли культура Руси до Петра «отсталой» или неотсталой, высокой или невысокой. Нелепо сравнивать культуры «по росту», кто выше, а кто ниже. Русь, создавшая замечательное зодчество, высокую хоровую музыку, красивейшую церковную обрядность, сохранившая ценнейшие реликты религиозной древности, прославленные фрески и иконы, но не знавшая университетской науки, представляла собой просто особый тип культуры с высокой религиозной и художественной практикой».

Новое — в старом, но не стареющем, в ушедшем, но бессмертном, в забытом, но актуальном. Фундаментальной идеей Дмитрия Сергеевича, важной для сегодняшнего понимания уникальности России, является его утверждение о том, что модели национального будущего коренятся в прошлом.

Дмитрий Сергеевич даёт и своё видение глобализации как современного процесса взаимодействия культур в мировом масштабе, движимого в первую очередь не экономическими, а именно культурными интересами человечества. Характерно, что он вообще не видит в экономике и производстве «базиса», а в культуре «надстройки», как это было принято совсем недавно в советской науке. Базис, основа основ, по Лихачёву, это культура.

В отличие от природы, где в результате естественного отбора главенствует более сильный и жестокий, в культуре постепенно побеждает гуманное начало. Человечность торжествует над дикостью. Однако культурная открытость и связь со всем миром не отменяют политических мер по защите собственных интересов. Вот почему для выполнения своей миссии Россия должна быть сильной и суверенной.

Разумеется, это далеко не все уроки, которые может извлечь читатель из трудов Д.С. Лихачёва.

Работы академика, посвящённые культуре, сегодня чрезвычайно актуальны для понимания глобальных угроз и видения духовных ресурсов развития великой русской цивилизации, формирования новых мировоззренческих ориентиров национального бытия.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЗАПЕСОЦКИЙ

Ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Миссия России определяется... тем, что в её составе объединилось до трёхсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях многонациональности.

Дмитрий Лихачёв

направление должна избрать Россия в своём грядущем развитии? В плане культуры лихачёвский ответ очевиден — европейское. А вот в плане политики он может быть совсем иным.

В деятельности Дмитрия Сергеевича есть такая удивительная страница, как написание предисловия к книге «евразийца» Льва Гумилёва. Он помог Гумилёву не потому, что был с ним во всём согласен, а для того, «чтобы его печатали». По сути, расхождения между Лихачёвым и Гумилёвым заключались в том, что Лихачёв смотрел на Россию с точки зрения закономерностей культурного развития, а Гумилёв — с позиций этногенеза (закономерностей развития этноса).

Что же признанный учёный помог опубликовать непризнанному? По мнению Гумилёва, подлинной проблемой для России были и остаются не контакты с Западом сами по себе, а то, на каком уровне собственного развития Россия